

ПРИЗЫВЪ

ОБЪЕДИНЕННЫЙ ОРГАНЪ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТОВЪ И СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ

Подъ редакціей: Авксентьева, Алексинскаго, Аргунова, Бунакова, Воронова, Любимова (Марка 3—ра) и Плеханова.

PRIX:
10 cent.

№ 25.

Адресъ редакціи: M-r Lebedeff, 13, Avenue Reille, Paris. XIV.
Pour la redaction de l'Appel.

№ 25.

СОДЕРЖАНИЕ: Г. Алексинскій. — Безъ руля и безъ вѣтриль... Г. Плехановъ. — Мой дружескій совѣтъ редакціи «Текстильщика». Въ Государственной Думѣ. К. Кахели. — Война и политическая ссылка. В. Ольгинъ. — Отношеніе итальянскихъ социалистовъ къ войнѣ. Давидовъ-Эдишеровъ. Б. В. — Самъ себя выдалъ.

Безъ руля и безъ вѣтриль...

На воздушномъ океанѣ,
Безъ руля и безъ вѣтриль,
Тихо плаваютъ въ туманѣ...

Рѣчь, произнесенная въ Госуд. Думѣ тов. Чхеидзе отъ имени пяти соц.-дем. депутатовъ-меньшевиковъ, несомнѣнно, содержитъ въ себѣ немало такихъ истинъ, подъ которыми не откажется подписаться любой социалистъ, независимо отъ позиціи, занимаемой имъ въ вопросѣ о нашей тактикѣ по отношенію къ войнѣ. Всякій изъ насъ вполне раздѣляемъ, конечно, тѣ чувства печали и негодованія, которыя вызываетъ въ тов. Чхеидзе ужасная картина цѣлаго ряда европейскихъ и азиатскихъ странъ, растерзанныхъ войною и залитыхъ человѣческой кровью. Вполнѣ раздѣляемъ мы и рѣзкій протестъ противъ того, что вытворяетъ реакція въ Россіи, противъ неискренней политики по отношенію къ полякамъ, гоненій на евреевъ, преслѣдованія рабочихъ организацій и т. д.

Мало того, въ рѣчи т. Чхеидзе есть мѣста, которыя до извѣстной степени, удовлетворяютъ насъ не только, какъ социалистовъ и демократовъ вообще, но и какъ сторонниковъ опредѣленнаго взгляда на войну. Вполнѣ правъ т. Чхеидзе, когда онъ, протестуя противъ «измѣны, предательства и пиратства», соучастствующихъ кровавой свалкѣ народовъ, констатируетъ, что «въ этомъ отношеніи пальма первенства принадлежитъ германскимъ командующимъ классамъ» и что «они, дѣйствительно, покрыли себя позоромъ на всю исторію, нарушивъ права Бельгіи». Вполнѣ правъ тов. Чхеидзе, когда онъ характеризуетъ русскихъ революціонеровъ и погромщиковъ, дезорганизующихъ оборону страны, какъ «пораженцевъ чистой воды, рассчитывающихъ на то, что военныя неудачи повліяютъ извѣстнымъ образомъ внутри страны на массы».

Выступивъ, такимъ образомъ, съ осужденіемъ по-

раженчества, которое въ его глазахъ является орудіемъ реакціи, тов. Чхеидзе сдѣлалъ еще одинъ шагъ по направленію къ «оборонцамъ», заявивъ, что «раскрѣпощеніе народа» необходимо для «спасенія страны» и обѣщавъ оппозиціонному большинству Думы, что социаль-демократы «будутъ поддерживать всѣ его прогрессивные шаги».

Къ сожалѣнію, за этими правильными идеями не послѣдовали, въ рѣчи т. Чхеидзе, какіе-либо правильные и опредѣленные политическіе выводы. А кромѣ того, къ еще большему сожалѣнію, тов. Чхеидзе сопровождалъ вышеприведенныя свои заявленія рядомъ другихъ, которыя не только не стоятъ съ ними въ логической и политической связи, но, наоборотъ, находятся скорѣе въ противорѣчьи съ ними.

Отмежевавшись отъ пораженчества и призывая прогрессивный блокъ къ борьбѣ за демократизацію Россіи во имя ея спасенія, тов. Чхеидзе, казалось, долженъ былъ бы логически придти къ тому выводу, который сдѣлалъ нами, «социаль-патріотами», полагающими, что путь къ побѣдѣ совпадаетъ для Россіи съ путемъ къ свободѣ. Однако, въ опроверженіе всѣхъ законовъ человѣческой логики, тов. Чхеидзе умудрился сочетать вышеприведенныя свои заявленія съ ссылками на рѣшенія... циммервальдской конференціи. Надо, впрочемъ, замѣтить, что онъ отнюдь не заявилъ, что всецѣло солидаризируется съ ними, и привелъ ихъ лишь въ той ихъ части, которая содержитъ въ себѣ отказъ отъ насильственныхъ аннексій и является элементарно безспорной и для всѣхъ приемлеюй.

Не занявъ вполнѣ ясной позиціи по отношенію къ циммервальдской конференціи, тов. Чхеидзе, повидимому, всетаки скорѣе склоненъ преувеличивать ея значеніе, что объясняется, конечно, его неосвѣдомленностью о томъ, что она собою представляла. Иначе онъ не говорилъ бы такъ увѣренно объ этомъ «конгрессѣ», какъ онъ его называетъ (преувеличенныя представленія всегда поражаютъ и преувеличенную терминологию) и не перечислялъ бы нѣмцевъ, французовъ, русскихъ, поляковъ, латышей, румынъ и прочихъ народовъ, которые, по его словамъ, были «представлены» на этомъ «конгрессѣ». Фактъ тотъ, что никакого сколько-нибудь серьезнаго и правительнаго представительства социалистическихъ массъ воюющихъ (да и нейтральныхъ) странъ въ Циммервальдѣ не было и даже о «меньшинствахъ», которыя тамъ были представлены, нельзя говорить безъ улыбки: во французской партіи, напри-

мѣръ, (на нее тоже счесть возможнымъ сослаться тов. Чхеидзе) за циммервальдистами оказалось, на послѣднемъ конгрессѣ, всего 70 голосовъ изъ почти 2000. Что же касается русскаго «меньшинства» изъ Парижа, Берна и Цюриха, польскаго изъ Цюриха и латышскаго изъ Берна, то на такое представительство не надо ссылаться даже въ шутку, ибо шутка получается слишкомъ злая.

Туманъ неосвѣдомленности, въ которомъ тихо плаваютъ т. Чхеидзе, какъ лермонтовскіе «хоры дивныя свѣтиль», не разсѣивается и тогда, когда онъ говоритъ о нѣмецкой оппозиціи. Неосвѣдомленность его, въ этомъ случаѣ, становится даже особенно прискорбною, ибо онъ принимаетъ ее за полную освѣдомленность и на ней-то какъ разъ пытается построить нѣкоторое подобіе тактической линіи.

«Что касается роста оппозиціи войнѣ и имперіалистической политикѣ германскаго правительства среди нашихъ германскихъ товарищей, то это, — заявилъ т. Чхеидзе, — извѣстно всякому, и это подтвердили наши германскіе товарищи своимъ голосованіемъ».

Увы, т. Чхеидзе! Васъ кто-то очень плохо освѣдомилъ о томъ, что будто бы «извѣстно всякому». Гдѣ вы видите этотъ «ростъ оппозиціи войнѣ» среди нашихъ нѣмецкихъ «товарищей»? Въ голосованіи 20 членовъ с.-д. фракціи рейхстага противъ кредитовъ? Но какая же это принципиальная оппозиція войнѣ и какой же это «циммервальдизмъ», если эти двадцать заявили, что они голосуютъ противъ кредитовъ отнюдь не принципиально, а только потому, что германская армія уже сдѣлала свое дѣло и границы отечества находятся въ безопасности? И этихъ то добрыхъ нѣмецкихъ патриотовъ шаги вы приветствуете? Это къ поддержкѣ ихъ вы призываете русскій пролетаріатъ и даже пролетаріатъ всего міра? Неужели вы думаете, что разумъ пролетаріата всего міра можетъ и долженъ сузиться до маленькаго объема добро-нѣмецкой сознательности этихъ людей, эгоистически исходящихъ изъ интересовъ своей Германіи, несмотря на то, что она является нападающей стороной? Неужели вы думаете, что русскіе рабочіе, граждане страны, подвергшейся нападению, разоренію и захвату смогутъ раздѣлить вашу политическую наивность, являющуюся плодомъ явной неосвѣдомленности?

Не надѣйтесь, на это, товарищ! Русскій пролетаріатъ — слишкомъ здоровый и слишкомъ жизнеспособный классъ для того, чтобы онъ пошелъ на политическое самоубійство и на убійство собственной страны во имя поддержки какихъ то «шаговъ» нѣмецкихъ «товарищей», которыхъ эти «товарищи» не совершали и совершатъ пока еще не собираются.

Что же остается въ результатѣ отъ выступленія тов. Чхеидзе въ Государственной Думѣ? Правильная критика правительства, правильное осужденіе пораженчества, — и только. Все остальное лишь плодъ невѣдѣнія и заблужденія. Лозунговъ же, позиціи и тактики — никакихъ. вмѣсто того, чтобы обѣими ногами крѣпко встать на тверди настоящаго пролетарскаго интернаціонализма, предполагающаго участіе въ оборонѣ страны, подвергшейся нападению, вмѣсто того, чтобы ясно связать дѣло обороны съ дѣломъ внутренняго освобожденія, тов. Чхеидзе и его коллеги предпочитаютъ по-прежнему оставаться на своемъ воздушномъ океанѣ безъ руля и безъ вѣтриль.

Къ счастью, подлинный голосъ русскаго пролетаріата все-таки не остался неуслышаннымъ въ стѣнахъ Таврическаго Дворца, ибо т.т. Бурьяновъ и Маньковъ

взяли на себя обязанность быть рупоромъ сознательныхъ рабочихъ массъ Россіи, — ту трудную обязанность, отъ которой, къ сожалѣнію, отказалась фракція Чхеидзе.

Г. Алексинскій.

Мой дружескій совѣтъ редакціи «Текстильщика».

Передо мной лежитъ № 1 газеты «Текстильщикъ». Название этой газеты достаточно опредѣляетъ ея задачу: она будетъ «Профессиональнымъ журналомъ работниковъ и рабочихъ текстильнаго дѣла». Нельзя не пожелать успѣха этому новому органу: у насъ такъ мало изданій, посвященныхъ интересамъ рабочаго класса!

Редакція «Текстильщика» говоритъ: «намъ, рабочимъ текстильнаго производства, занимающаго одно изъ первыхъ мѣстъ фабрично-заводской промышленности Россіи, намъ, страдающимъ больше всѣхъ другихъ рабочихъ отъ отсталости нашего сознания и отъ неорганизованности, намъ особенно надо снѣшить съ этой работой, надо немедленно и энергично приняться за дѣло».

Это очень хорошо. Въ самомъ дѣлѣ, русскимъ рабочимъ, — и не только тѣмъ, которые обрабатываютъ волокнистыя вещества, — надо какъ можно энергичнѣе продолжать дѣло организациі своихъ силъ, къ сожалѣнію, слишкомъ часто прерываемое «независящими обстоятельствами». Это дѣло отлагательства не терпитъ. По тому, кто занимается имъ, нужна большая осмотрительность, иначе выйдетъ по пословицѣ: «поспѣшишь, людей насмѣшишь».

Редакція «Текстильщика» успѣшила напечатать рецензію на мою «книжку», какъ выражается рецензентъ, «О войнѣ». И вышло смѣшно. Да это было бы еще полтѣбды, если бы вышло только смѣшно. Но получилось нѣчто смѣшное и грустное въ одно и то же время. Кто дорожить интересами русскаго пролетаріата и понимаетъ теорію научнаго социализма, тотъ посмѣется, прочитавъ указанную рецензію. Но посмѣется сквозь слезы. Посмѣявшись, онъ отложитъ въ сторону первый № «Текстильщика» и съ горечью скажетъ себѣ: «редакція новаго рабочаго органа сдѣлалась жертвой литературнаго шарлатанства. Ее, незанимающуюся вопросами философіи, и, какъ видно, еще мало знакомую съ марксизмомъ, сбиль съ толку какой-то болтунъ, прочитавшій двѣ-три популярныхъ брошюръ, но не имѣющій равно никакихъ данныхъ для сужденія о тѣхъ вопросахъ, толковать о которыхъ онъ позволилъ себѣ въ своей «рецензіи»».

Анонимный рецензентъ «Текстильщика» объявляетъ ошибочнымъ мой выводъ. Болѣе того, онъ утверждаетъ, что я не могъ миновать ошибки, такъ какъ я, по его словамъ, не исхожу «изъ анализа современной эпохи, изъ анализа момента, а слѣдовательно и изъ объективно-экономическихъ основаній политики современныхъ государственныхъ организмовъ». Редакція «Текстильщика» не замѣтила, какое жалкое недомысліе скрывается за этими, будто бы учеными, словами. Если бы она хотя отчасти догадалась, какъ плохо понимаетъ авторъ рецензіи предметъ, имъ затронутый, она, конечно, съ презрѣніемъ бросила бы его рукопись въ корзину.

На самомъ дѣлѣ въ ошибкѣ надо упрекать не меня: ошибается — и еще какъ! — рецензентъ, наивно полагающій, что я, въ своемъ анализѣ, не исхожу «изъ объективно-экономическихъ основаній политики современныхъ государственныхъ организмовъ».

Я называю эту политику империалистической и указываю на тѣ экономическія причины, которыми она вызывается. При этомъ я ссылаюсь на Каутскаго* который больше, чѣмъ кто либо изъ насъ, теоретиковъ международного социализма, писалъ о вопросахъ экономической политики. Рецензентъ могъ найти мой анализъ неудовлетворительнымъ, но онъ не имѣлъ никакого права утверждать, что у меня отсутствуетъ анализъ. Почему же онъ утверждаетъ это?

По всей вѣроятности, авторъ рецензии въ самомъ дѣлѣ не замѣтилъ наличности анализа въ моей брошюрѣ. А не замѣтилъ просто-на-просто потому, что не встрѣтилъ у меня, — да разумѣется, и не могъ встрѣтить, — на память заученныхъ имъ схематическихъ разсужденій о причинахъ нынѣшней войны народовъ.

Привычная для рецензента схема мышленія о политикѣ империализма сводится къ признанію того, что политика эта обусловлена экономической необходимостью. Разъ признавъ это, само по себѣ неоспоримое, положеніе, «мыслители» въ родѣ моего рецензента считаютъ совершенно несостоятельными, съ точки зрѣнія теоріи, всякія попытки опредѣлить, на кого именно падаетъ ответственность за данное международное столкновеніе. Но это величайшая нелѣпость, — одна изъ тѣхъ нелѣпостей, которыя составляютъ смертный грѣхъ противъ научнаго мышленія и которымъ со всѣмъ не мѣсто на страницахъ рабочихъ изданій.

Признаніе объективной необходимости того или другого общественнаго явленія ни мало не исключаетъ вопроса объ его виновникахъ. Если мы, марксисты, спрашиваемъ, «кто были его виновники?», то это значитъ, что мы хотимъ опредѣлить, какая общественная группа людей вызвала его своими дѣйствіями. А когда мы говоримъ: «это явленіе было объективно необходимымъ общественнымъ явленіемъ», — мы хотимъ сказать, что дѣйствія группы людей, вызвавшихъ его, были законѣрны, т. е., что они въ свою очередь, вызваны были предшествовавшими имъ объективно-необходимыми общественными явленіями. Вотъ только и всего! Отклонять вопросъ о виновникахъ общественныхъ явленій на томъ основаніи, что явленія эти законѣрны, значитъ вообразать, будто законѣрныя общественныя явленія совершаются безъ участія людей, т. е. связывать со словами: «законѣрный ходъ общественнаго развитія» по истинѣ дикое представленіе.

Спросите любого сознательнаго пролетарія: кто виноватъ въ томъ, что его наемный трудъ остается, въ извѣстныхъ предѣлахъ, неоплаченнымъ? Онъ отвѣтитъ: «мой предприниматель». И онъ будетъ правъ. Съ другой стороны, всякій сознательный рабочий знаетъ, что эксплуатація одного класса другимъ имѣетъ свои «объективно-экономическія основанія». Какъ же разрѣшается это противорѣчіе? Очень просто. Предприниматель, о которомъ сознательный рабочий говоритъ, какъ объ эксплуататорѣ, является, по выраженію Маркса, олицетвореніемъ извѣстныхъ экономическихъ категорій, представителемъ извѣстныхъ классовыхъ отношеній и интересовъ. Очень мало сознательности обнаружилъ бы тотъ рабочий, который вздумалъ бы утверждать, что капитализмъ созданъ злою волею капиталистовъ. Но не болѣе сознательнымъ показалъ бы себя и тотъ, который, услышавъ, что, капитализмъ есть неизбежный, — при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ — способъ производства, рѣшилъ бы, что въ виду этого,

нападки на капиталистовъ и борьба съ ними лишаются всякаго смысла.

Ошибочно относить капитализмъ на счетъ злой воли капиталистовъ: стремленіе предпринимателя эксплуатировать своего наемнаго рабочаго есть слѣдствіе капитализма, а не причина его. Но разъ явилось это слѣдствіе, оно само становится причиной: классъ капиталистовъ, вызванный къ жизни объективно-необходимымъ ходомъ экономического развитія, старается увѣковѣчить выгодный для него общественный порядокъ. Отсюда вытекаетъ, что хотя капитализмъ и не созданъ волею предпринимателей, но, разъ возникнувъ, онъ по необходимости, — замѣтите, и тутъ необходимость! — такъ вліяетъ на эту волю, что она направляется ко вреду пролетаріата. И пролетаріатъ не можетъ не считаться съ этимъ вреднымъ для него направленіемъ воли предпринимателей. Если возникновеніе политической эксплуатаціи было необходимымъ историческимъ процессомъ, то такъ же необходимъ и отпоръ ей со стороны пролетаріата. Ну, а чтобы дать отпоръ тому или другому общественному явленію, надо предварительно выяснить, гдѣ его виновники.

Кто понялъ это (мой рецензентъ, конечно, и теперь ничего не понялъ), тотъ сумѣетъ разобраться и въ явленіяхъ, относящихся къ нынѣшней империалистической политикѣ.

Само собою разумѣется, что политика, свойственная капиталистическому обществу на извѣстной ступени его развитія, своимъ существованіемъ обязана исторически-необходимому процессу этого развитія. Но это вовсе не равносильно признанію того, что никто не повиненъ въ бѣдствіяхъ, ею причиняемыхъ. Въ этихъ бѣдствіяхъ, которыя прежде и больше всего обрушиваются на трудящуюся массу, повинны тѣ общественныя группы, интересами которыхъ подсказывается империалистическая политика. Всѣ мы знаемъ, (знаетъ даже мой рецензентъ) какія это группы. Это — классы, господствующіе въ нынѣшнемъ обществѣ. Международныя социалистическія съѣзды не разъ говорили намъ, въ своихъ резолюціяхъ, что именно на эти классы падаетъ ответственность за великое зло империалистической политики. Но резолюціи социалистическихъ съѣздовъ имѣютъ характеръ общихъ формулъ. Въ нихъ не разсматривались тѣ отдѣльные случаи, въ которыхъ хищныя стремленія господствующихъ классовъ приводили къ международнымъ столкновеніямъ. Въ нихъ, — чтобы употребить здѣсь выраженія моего рецензента, — не было анализа момента. Да и не могло быть. Кто формулируетъ общее теоретическое положеніе, тотъ никогда не разсматриваетъ отличительныхъ особенностей частныхъ случаевъ (отдѣльных «моментовъ»): его взоръ всегда направляется на то, что свойственно всѣмъ отдѣльнымъ случаямъ, всѣмъ «моментамъ» даннаго разряда. Поэтому, ни одинъ разумный человекъ не удовлетворяется общей формулой, — охватывающей всѣ возможные случаи, всѣ мыслимые «моменты», — когда столкнется съ однимъ изъ нихъ. Онъ постарается подвергнуть анализу условія именно этого отдѣльнаго случая. Я такъ и поступала въ своей брошюрѣ. Я разсматриваю, какіе именно классы, въ какихъ именно капиталистическихъ государствахъ и съ какими именно специальными цѣлями нашли нужнымъ начать империалистическую войну въ августѣ (по новому стилю) 1914 года. А мой рецензентъ кричитъ, что я уклоняюсь отъ анализа момента. Въ своей безконечной простотѣ, онъ думаетъ, что дать анализъ частнаго случая

*) Развязный рецензентъ называетъ Каутскаго социстомъ.

значить, повторить общую форму, т. е. вовсе отказаться от анализа.

Общее правило гласит: «люди смерти». И никому не придется в голову оспаривать его. Но то обстоятельство, что все люди умирают, не препятствует Павлу наслаждаться вождельнымъ здоровьем, когда Петръ лежит на смертномъ одрѣ. Люди разстаются съ жизнью не въ одно и то же время. Подобно этому, не въ одно и то же время совершаютъ свои хищническіе подвиги отдѣльные капиталистическія государства. Только глупецъ могъ бы, опираясь на резолюціи международныхъ социалистическихъ съѣздовъ, подумать, что отвѣтственность, на примѣръ, за англо-бурскую войну падала на все капиталистическія государства, т. е. на Германію или на Францію не въ меньшей степени, чѣмъ на Англію. Еще больший запасъ... качества противоположно само уму понадобился бы для того, чтобы, вспомнивъ социалистическія резолюціи, вообразить будто Англія была не больше виновата въ названной войнѣ, чѣмъ Бурскія государства. Иное дѣло нападеніе, а иное дѣло самозащита. Въ противоположность анархизму, международный социализмъ всегда строго различалъ эти два понятія. За примѣромъ ходитъ недалеко. Копенгагенскій международный социалистическій съѣздъ 1910 г. категорически призналъ право вѣхъ народовъ на самоопредѣленіе и на самозащиту отъ вооруженныхъ на нихъ нападений. Въ іюль 1914 г., когда стали появляться грозные признаки близкой войны, социалисты вѣхъ странъ единогласно признавали, что отвѣтственность за нее падетъ на Австрію и въ особенности на Германію. Австрійскіе и германскіе социалисты не только не отрицали этой мысли, но рѣзко и убѣдительно высказывали ее въ своихъ воззваніяхъ и въ статьяхъ своихъ руководящихъ органовъ. Правда, послѣ того, какъ Германія объявила войну Россіи, они заговорили совсѣмъ другимъ языкомъ. Но это произошло единственно потому, что огромное большинство ихъ увлеклось политикой империализма, несомнѣнно обѣщавшей нѣкоторыя, — и даже довольно значительныя, — непосредственныя экономическія выгоды нѣмецкому пролетариату. Такимъ образомъ совершилась самая великая измѣна, какую только знаетъ всемирная исторія: сознательный пролетариатъ великой страны ополчился, въ союзъ съ юнкерами и буржуазіей, противъ другихъ странъ съ цѣлью ихъ экономической эксплуатаціи, т. е., разумѣется, главнымъ образомъ, эксплуатаціи ихъ трудящагося населенія. Могъ ли я въ своемъ «анализѣ момента», обойти это молчаніемъ? Конечно, нѣтъ. Кто хочетъ серьезно возражать мнѣ, тотъ долженъ показать, что мое изложеніе не согласнo съ дѣйствительностью. Но рецензентъ «Текстильщика» поступаетъ иначе. Онъ ничего не возразилъ противъ моего изложенія, даже похвалилъ его:

Ирядно, говорить, — сказать неложно,
Тебя безъ скуки слушать можно...

Однако, тутъ же пожалѣлъ, что я не знакомъ съ нашимъ пѣтухомъ, т. е. съ тѣми глубокомысленными социологами, которые, на память заучивъ ту истину, что империалистическая политика представляетъ собою слѣдствіе извѣстныхъ объективныхъ причинъ, умозаключили отъ нея къ полной неумѣстности какихъ бы то ни было соображеній о томъ, кто является въ данный «моментъ» ея носителемъ, и кто отъ нея страдаетъ, кто выступаетъ въ роли хищника, и кто обороняется.

По мнѣнію рецензента, мое незнакомство съ пѣтухомъ ведетъ за собою то, что я долженъ усвоить себѣ точку зрѣнія Франка или «софиста Каутскаго». Не зная, въ

чемъ собственно видитъ онъ «софизмы» этого послѣдняго, я ограничусь повтореніемъ, — для редакціи «Текстильщика», — того, что сказано въ моей «книжкѣ» о моемъ отношеніи къ Франку.

Франкъ, погибшій еще осенью 1914 г., добровольно принялъ участіе въ войнѣ, начатой Германіей съ цѣлью эксплуатаціи другихъ народовъ. Нѣкоторые империалисты, — даже изъ среды социаль-демократовъ, — считаютъ его смерть героической. По моему же, это — смерть разбойника, а не героя. Я не могу чтить память людей, отдавшихъ свою жизнь ненавистному для меня дѣлу эксплуатаціи трудящейся массы въ своей ли родной странѣ или (для меня, какъ для интернационалиста, это все равно) за ея предѣлами. Если бы я способенъ былъ уважать такихъ людей, я не былъ бы социалистомъ.

Различіе между Франкомъ и мною, есть различіе между пособникомъ эксплуататоровъ съ одной стороны и ихъ противникомъ — съ другой. Рецензентъ «Текстильщика» прочелъ мою брошюру, но... слова то въ ней и не замѣтилъ.

Не вспомню сейчасъ, въ какой русской комедіи или сатирѣ XVIII вѣка выведенъ судья, восклицающій: «какъ вы хотите, чтобы я разобралъ, кто правъ и кто виноватъ; вѣдь и истецъ и отвѣтчикъ, оба ссылаются на законы!» Въ совершенно такомъ же затрудненіи оказывается мой рецензентъ: Франкъ ссылается «на законы»; я дѣлаю то же самое; какъ же рецензенту узнать, на чьей сторонѣ истина?

Но это только цвѣточки. А вотъ ягодка, — крупная, сочная, аппетитная ягодка.

Г. Плехановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Въ Государственной Думѣ.

Въ открывшуюся сессію Государственной Думы въ первый разъ выступили съ программными заявленіями стоящіе на точкѣ зрѣнія обороны страны т. т. Бурьяновъ и Маньковъ, рѣчи которыхъ мы и приводимъ ниже по думскому отчету «Рус. Вѣд.» и «Кіев. Мысли». Оборонческую позицію заняла и вся трудовая группа.

Рѣчь т. Бурьянова.

Отвѣчая Пуришкевичу, т. Бурьяновъ началъ свою рѣчь такъ:

— На точкѣ зрѣнія необходимости побѣды согласія стоитъ не только Плехановъ, но и цѣлый рядъ другихъ нашихъ товарищей, издающихъ теперь въ Парижѣ журналъ «Призывъ». Но почему Пуришкевичъ не отвѣтилъ, какъ посмотреть министерство внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, если бы Алексинскій, Плехановъ, Авксентьевъ, Бунаковъ и другіе видные представители социалистической мысли пріѣхали въ Россію? Вѣдь и имъ не удалось бы миновать Петропавловской крѣпости.

Выступая отдѣльно отъ нашихъ товарищей, составляющихъ с.-д. фракцію, — продолжаетъ Бурьяновъ, — я и товарищъ Маньковъ выражаемъ взгляды огромнаго количества русскихъ с.-д. не только въ Россіи, но и заграницей.

Прежде всего мы считаемъ необходимымъ заявить о нашей полной солидарности съ тѣмъ, что было сказано Н. С. Чхеидзе по вопросу о политикѣ русскаго правительства, политикѣ свекорыстной бюрократіи, ставящей

ПРИЗЫВЪ

ОБЪЕДИНЕННЫЙ ОРГАНЪ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТОВЪ И СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ

Подъ редакціей: Авксентьева, Алексинскаго, Аргунова, Бунакова, Воронова, Любимова (Марка 3—ра) и Плеханова.

PRIX:
10 cent.

№ 26.

Адресъ редакціи: M-r Lebedeff, 13, Avenue Reille, Paris, XIV.
Pour la rédaction de l'Appel.

№ 26.

СОДЕРЖАНИЕ: Н. Н.—евъ. — У послѣдней черты. Г. Плехановъ. — Мой дружескій совѣтъ редакціи «Текстильщика». С. К.—товъ. — Вердень. А. Кубовъ. — Оборона страны и російская пресса. Г. Алексинскій. — О высоко-принципіальныхъ людяхъ. А. К. — Изъ хроники русскаго рабочаго движенія. Въ Государственной Думѣ. Г. А. — Еще одинъ измѣнникъ.

У послѣдней черты.

Рѣчи либеральныхъ депутатовъ Государственной Думы напоминаютъ евангельское сказаніе о моленіи въ саду Гефсиманскомъ. Исходъ борьбы уже предрѣшенъ. Судьба открыла завѣсу грядущаго. Но трудно, мучительно трудно перейти отъ проповѣди къ дѣйствию. Сквозь темную листву уже мелькаютъ факелы римскихъ солдатъ, уже гремятъ мечи и щиты... Сознаніе сковано неизбѣжностью надвигающихся событій. Но чувство еще борется противъ неотвратимаго рока. Да минуетъ меня чаша сія!

Либеральная оппозиція видитъ, куда ведетъ насъ властная рука исторіи. Либеральная оппозиція знаетъ, чего требуетъ страна. Но надвигающіяся событія такъ грозны, что либеральная оппозиція останавливается у послѣдней черты и закрываетъ глаза, стараясь уклониться отъ чаши, которая все равно должна быть выпита.

«Господа, уже поздно, — говорилъ Милоковъ. Время не ждетъ... Я говорю это не для того, чтобы предложить вамъ способъ выхода. Я его не знаю. Я знаю, идѣ этотъ выходъ, но какъ въ него пройти, я не знаю. У насъ нѣтъ средствъ рѣшить этотъ вопросъ собственными силами. И мы не рѣшаемся болѣе обращаться къ «государственной мудрости» власти. Вотъ почему наканунѣ событій, быть можетъ, рѣшающихъ, я проникнуть большей тревогой, чѣмъ когда-либо прежде, и схожу съ этой кафедры безъ отвѣта и безъ надежды получить его отъ теперешняго кабинета».

Эти слова являются наиболѣе ясною формулировкой политическаго настроенія оппозиціи. Съ необычною для Милокова искренностью и откровенностью они, въ сущности, вполне раскрываютъ карты. Либеральная тактика всегда покоилась на тупомъ самодовольствѣ буржуазной оппозиціи съ одной стороны и на вѣрѣ въ «государственную мудрость» власти съ другой. Теперь Ми-

люковъ открыто заявляетъ, что обращеніе къ «государственной мудрости» власти представляется бесполезною тратою времени. У руля російскаго государства стоятъ слѣпые безумцы. Они не желаютъ и не могутъ провести государство къ тихой пристани. Они способны только погубить судно. Но и либерализмъ не имѣетъ въ данный моментъ силъ вывести народъ изъ опасности, созданной непріятельскимъ нашествіемъ и внутреннимъ разстройствомъ.

«У насъ нѣтъ средствъ рѣшить этотъ вопросъ собственными силами», — говоритъ Милоковъ. Что же дѣлать? Нельзя же «наканунѣ событій, быть можетъ, рѣшающихъ» застыть въ состояніи тревоги? Если извѣстенъ спасительный выходъ, то какимъ путемъ пройти къ нему? Дать отвѣтъ на этотъ вопросъ было обязанностью демократическихъ и, въ частности, с.-д. депутатовъ Г. Думы. Къ сожалѣнію, нѣкоторые рѣчи нашихъ товарищей, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ они опубликованы, не позволяютъ сказать, что колеблющаяся либеральная оппозиція получила достаточно исчерпывающій отвѣтъ. Можетъ быть, они даже затемнили этотъ вопросъ не совсѣмъ удачнымъ употребленіемъ формулъ изъ элементарныхъ прописей. «Пока прогрессивный блокъ будетъ обращенъ спиною къ народу, а лицомъ сюда (жестъ въ сторону министерской ложи), онъ обреченъ на полное безсиліе. Надо обернуться къ народу, тогда вы дѣйствительно сдѣлаете то, что нужно странѣ. Мы, съ своей стороны, заявляемъ, что всѣ ваши прогрессивные шаги будемъ поддерживать, но всѣ ваши соглашательскіе шаги мы будемъ разоблачать самымъ беспощаднымъ образомъ», — такъ говорилъ почтенный Н. С. Чхеидзе. Все это, включая «самымъ беспощаднымъ образомъ» вѣрно и... старо, какъ дважды два четыре. Но въ этихъ словахъ нѣтъ никакой активной программы, нѣтъ никакого отвѣта на проклятые вопросы современности. По словамъ Н. С. Чхеидзе, прогрессивный блокъ, который онъ обѣщаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ поддерживать, стоитъ спиною къ народу. Но тогда, какъ и когда демократія будетъ поддерживать этотъ блокъ? Очевидно, образъ блока не точенъ: блокъ стоитъ къ народу «не совсѣмъ спиною». И въ самомъ дѣлѣ, можно-ли говорить, что политическая группа стоитъ спиною къ народу, если эта группа требуетъ амнистіи, свободы профессиональныхъ союзовъ и рабочихъ организацій, уравненія крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями и проч. и проч.? Можно считать эти требованія недостаточными, но называть ихъ или антинародными или чуждыми народу значитъ,

не отдавать себѣ полного отчета въ политической терминологии. Но, если нельзя сказать, что блокъ стоитъ «спиной» къ народу, то, можетъ быть, онъ стоитъ «лицомъ» къ старой власти? То есть, можетъ быть, выставляя насущныя требованія, онъ довѣряетъ выполненіе ихъ нынѣшнему правительству? И это нѣтъ. Ораторы блока ясно сказали, что къ старой власти они больше не обращаются. Такимъ образомъ, справедливо только то, что блокъ не знаетъ, какъ добиться своихъ цѣлей, блокъ безсиленъ осуществить свою программу и устранить старое правительство. Собственныхъ силъ на это не хватаетъ, — какъ и заявлять вдохновитель блока, Милюковъ.

Демократическіе депутаты не замѣтили этихъ словъ. Между тѣмъ, они полны глубокаго политическаго значенія. Эти слова означаютъ именно признаніе народа послѣдней инстанціей. Эти слова должны означать, что требованія блока только тогда воплотятся въ жизнь, когда будутъ поддержаны народомъ. Милюковъ своимъ заявленіемъ предупредилъ многочисленныхъ «лѣвыхъ» критиковъ, которые специализировались на кадетофдствѣ, что либеральная оппозиція сочла свои силы и признала ихъ слишкомъ слабыми. Дальнѣйшее развитіе политическаго движенія буржуазии связывается, такимъ образомъ, съ развитіемъ народнаго движенія. Выступая съ такимъ заявленіемъ, Милюковъ, въ сущности говоря, бросилъ вызовъ демократіи. Либерализмъ безсиленъ, онъ нуждается въ народныхъ массахъ. Есть ли у васъ армія? Имѣете ли вы силы, чтобы совершить политическое освобожденіе Россіи? Демократія, въ своихъ собственныхъ интересахъ, должна была принять этотъ вызовъ и предъ лицомъ всего народа выяснить дѣйствительное положеніе вещей. Тогда вопросъ о томъ, что дѣлать, сталъ бы болѣе отчетливымъ. Представители народныхъ партій должны были бы честно сказать, что организационный хаосъ ослабляетъ силы демократіи, что необходима усиленная и энергичная организационная работа, чтобы демократія могла поставить на очередь крупныя политическія задачи. Они должны были сказать, что и для либеральныхъ партій единственнымъ выходомъ является активное обращеніе къ народнымъ массамъ и содѣйствіе народной самодѣятельности. Это устраняло бы, съ одной стороны, проявленія революціонной нервности, а съ другой — обязывало бы всѣ дѣйствительно оппозиціонныя партіи къ объединенной работѣ надъ организаціей всенародныхъ усилий для спасенія страны. вмѣстѣ съ тѣмъ, это еще болѣе усилило бы среди демократіи чувство политической отвѣтственности, такъ какъ въ настоящее время едва ли можно оспаривать, что паденіе стараго режима поддерживается не столько «половинчатостью» буржуазии, сколько дезорганизованностью демократіи. Буржуазія, влѣдствіе объективныхъ условій, подошла къ послѣдней чертѣ. Буржуазная армія находится въ относительно порядкѣ. Нельзя сказать того же о демократической арміи. При настоящихъ условіяхъ, весьма возможно, что неожиданный поворотъ историческаго колеса поставитъ русскую демократію въ тягостное положеніе тормазы политической борьбы буржуазіи. Тов. Чхеидзе едва ли осуществитъ свое — странное для такого осторожнаго политика — обѣщаніе «взять дѣло въ свои руки».

И насмѣшки буржуазной прессы по поводу этихъ словъ и ея тихая грусть показываютъ, что буржуазія произвела болѣе тщательный подсчетъ демократическихъ силъ, чѣмъ т. Чхеидзе. Демократія еще должна завоевать себѣ рѣшающее значеніе, но для этого мысль руководящихъ круговъ демократіи должна найти твер-

дую ось, вокругъ которой совершится группировка силъ. Тотъ, кто не можетъ дать отвѣта на этотъ вопросъ, обреченъ на безпомощность и полное безсиліе. Жизнь пройдетъ мимо него. Къ счастью, въ сознаніи русской демократіи уже намѣчается лозунгъ, который способенъ разсѣять полутораговую пассивность и мобилизовать активную армію для спасенія страны отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Это — тотъ лозунгъ, который мы защищаемъ съ начала войны и который теперь, въ полномъ согласіи съ настроеніемъ широкихъ рабочихъ массъ, провозглашаемъ съ думской кафедры депутатомъ Бурьяновымъ, — національная самооборона!

Н. Н.—евъ.

Мой дружескій совѣтъ редакціи «Текстильщика».

(Окончаніе).

Въ качествѣ самаго убѣдительнаго доказательства слабости моей позиціи рецензентъ отмѣчаетъ мою ссылку на ученіе Канта объ автономіи личности. Но ссылка на Канта у меня предшествуетъ ссылке на Маркса, сказавшаго, что простые законы нравственности и права, которыми опредѣляются взаимныя отношенія отдѣльныхъ лицъ, должны стать законами, опредѣляющими взаимныя отношенія народовъ. Знаменитый авторъ «Капитала» совѣтовалъ пролетаріямъ всѣхъ странъ положить эти простые законы въ основу своей международной политики. Къ этому онъ прибавлялъ:

«Борьба за такую внѣшнюю политику составляетъ одну изъ частей общей борьбы за освобожденіе рабочаго класса.»

Этими словами оканчивается написанный Марксомъ первый манифестъ перваго Интернаціонала. Я привелъ ихъ, чтобы напомнить товарищамъ, чѣмъ должны они руководствоваться въ своихъ сужденіяхъ о войнѣ вообще и о нынѣшней войнѣ въ частности. Къ сожалѣнію, между моими читателями нашлись господа, считающіе всякіе разговоры о правѣ и нравственности «буржуазной» болтовней, сентиментальнымъ идеализмомъ. Эти господа удивились, разсердились и закричали: а гдѣ же историческій материализмъ?

Теорія историческаго материализма оказала очень много очень важныхъ услугъ какъ ученымъ, такъ и практическимъ дѣятелямъ, особенно тѣмъ изъ нихъ, которые участвуютъ въ освободительномъ движеніи пролетаріата. Но чтобы пользоваться ей, надо ее понять, а это-то и не дано господамъ, о которыхъ я говорю и къ числу которыхъ принадлежитъ мой рецензентъ. Они истолковали себѣ историческій материализмъ въ томъ смыслѣ, что такъ какъ экономическое развитіе есть глубочайшая пружина всего историческаго движенія, то не заслуживаетъ вниманія ученнаго и уваженія практическаго дѣятеля ничто, кромѣ экономіи. Если бы это было такъ, то честь формулированія этой теоріи принадлежала бы не Марксу съ Энгельсомъ, а той старой чиновницѣ въ одномъ изъ очерковъ Г. И. Успенскаго, которая, даже находясь при смерти, заплетающимся языкомъ твердила: «въ карманъ норови, въ карманъ!»

Я осмѣливалъ такое истолкованіе историческаго материализма (еще въ моей книгѣ «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію»). Весьма возможно, что мой рецензентъ читалъ ее и даже похваливалъ. Но, конечно, и у меня не понялъ. Поэтому его непрямо поразили, выписанные мною изъ манифеста Интер-

націонала слова Маркса о правѣ и нравственности, какъ единственной основѣ международной политики, достойной современнаго пролетаріата. Но для ссравиванія Маркса у него не хватило смѣлости, и онъ благоразумно умолчалъ о моей ссылкѣ на Маркса, ограничившись ехиднымъ указаніемъ на то, что я, — о, ужасъ! ужасъ! ужасъ! — цитирую буржуазнаго идеолога Канта^{*)}). По поводу такого «анализа», я могу замѣтить одно: очевидно, мой рецензентъ въ самомъ дѣлѣ не считаетъ съ простыми законами, — литературной, а пожалуй и всякой другой, — нравственности, что, однако, еще не дѣлаетъ изъ него знатока политической экономіи.

Нельзя требовать отъ редакціи профессиональнаго органа обширныхъ знаній по исторіи нашей теоріи. Но я увѣренъ, что она пойметъ меня, когда я приведу ей гоцъ какой примѣръ.

Въ теоріи научнаго социализма большее мѣсто отводится общественному явленію, извѣстному подъ названіемъ борьбы классовъ. Прежде думали, что Марксъ былъ первымъ по времени теоретикомъ, обратившимъ вниманіе на эту борьбу. Я показалъ, что это ошибка, такъ какъ о борьбѣ («войнѣ») классовъ говорили еще теоретики французской буржуазіи, напимѣръ, историкъ Гизо. При этомъ я отмѣтилъ, что Марксъ чрезвычайно сильно углубилъ теоретическое пониманіе классовой борьбы сравнительно съ тѣмъ, какъ понимали его идеологи буржуазіи. И вотъ представьте себѣ такой казусъ:

Обращаясь къ рабочимъ, я говорю имъ: «вспомните о классовой борьбѣ, какъ великой двигательницѣ общественнаго прогресса. Ея огромное значеніе было всесторонне выяснено Марксомъ, хотя о немъ догадывались уже теоретики буржуазіи». При этомъ присутствуетъ... «сочинитель», который беретъ слово и возглашаетъ: «Слабость позиціи г. Плеханова въ вопросѣ о борьбѣ классовъ яснѣе всего видна изъ того, что, привлекая къ ней вниманіе пролетаріата, онъ ссылается на Гизо и другихъ буржуазныхъ идеологовъ». Что сказать объ этомъ?

Другой примѣръ. Я говорю объ антагонизмѣ интересовъ, существующемъ въ области раздѣленія продуктовъ производства между предпринимателями и наемными рабочими. Признавая за наиболѣе виднымъ представителемъ классической буржуазной экономіи, Давидомъ Рикардо, заслугу указанія на этотъ антагонизмъ, я прибавляю, однако, что только Марксъ пролилъ вполне ясный свѣтъ на его природу и происхожденіе. Меня подслушиваетъ тотъ же «сочинитель», по себему круглому невѣжеству опять ровно ничего не понявшій въ моихъ словахъ, и съ негодующимъ видомъ докладываетъ рабочимъ: «Какъ слаба позиція г. Плеханова въ вопросѣ объ антагонизмѣ классовыхъ интересовъ, видно изъ того, что онъ ссылается на буржуазнаго экономиста Рикардо». Что сказать объ этомъ?

Я утверждалъ и продолжаю утверждать, что научный социализмъ, — и только онъ! — даетъ, въ самыхъ различныхъ областяхъ идеологіи, рѣшеніе тѣхъ задачъ, къ которымъ подходили уже теоретики буржуазіи Гизо, Рикардо, Кантъ и многіе другіе, но съ которыми они не могли справиться. Собственно же о Кантѣ я, въ своей книгѣ, упомянулъ, вопреки утвержденію рецензента, вовсе не для обоснованія своей позиціи въ вопросѣ о войнѣ.

Романъ Ролланъ выразилъ нашему безсмертному сно-

^{*)} Въ примѣчаніи онъ сообщилъ, что Кантъ былъ «родомъ изъ Кенигсберга». Обстоятельный человѣкъ!

вателю новой религіи, отцу Анатолю (Луначарскому), сожалѣніе по тому поводу, что «нѣкоторыя безусловно передовыя группы человѣчества недооцѣниваютъ понятія права и значенія правового чувства». На это я возразилъ, что думать такъ можетъ только человѣкъ, недостаточно знакомый съ современнымъ социализмомъ, и снова привелъ, уже раньше, въ другомъ мѣстѣ, указанныя мною, заключительныя строки перваго манифеста Перваго Интернаціонала. Строки эти, замѣтилъ я, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ высоко цѣнили Марксъ значеніе правового чувства, а между тѣмъ онъ былъ самымъ выдающимся теоретикомъ современнаго социализма. И только послѣ этого, будучи убѣжденъ, что, въ своемъ качествѣ идеалиста, Р. Ролланъ питаетъ пристрастіе къ Канту, я коснулся темы: «Кантъ и Марксъ». Я сказалъ:

Буржуазія, провозгласившая нравственный законъ автономіи человѣческой личности устами благороднѣйшихъ своихъ мыслителей^{*)}, не могла слѣдовать ему на практикѣ. Этому препятствовалъ ея классовый интересъ. Наоборотъ, классовый интересъ международнаго пролетаріата побуждаетъ его къ признанію и осуществленію этого закона. Какъ будто подозрѣвая существованіе моего невѣжественнаго рецензента, я, казалось бы, общедоступнымъ языкомъ растолковалъ, въ чемъ состоитъ ученіе объ автономіи личности. Оно требуетъ, — старательно пояснилъ я, — чтобы мы видѣли въ каждой личности самоцѣль, а не средство для достиженія чужихъ цѣлей. Между тѣмъ, буржуазія смотритъ на рабочій классъ, какъ на средство производства для нея прибавочной стоимости. Стало бытъ, законъ автономіи личности вполне оправдываетъ борьбу пролетаріата противъ капиталистической эксплуатаціи. Но, стремясь избавиться отъ нея, пролетаріатъ самъ не долженъ становиться эксплуататоромъ. Правда, ему и некого эксплуатировать въ предѣлахъ своей собственной страны, такъ какъ онъ находится на самой низкой степеніи общественной лѣстницы. Но пролетаріатъ можетъ поддаться искушенію корысти и принять участіе въ эксплуатаціи какой нибудь другой страны его собственной страной. По гениально-мѣткому замѣчанію Маркса, болѣе богатая страна эксплуатируетъ, путемъ товарнаго обмѣна, менѣе богатую страну даже тогда, когда обмѣнъ выгоденъ для нихъ обѣихъ. Воплиъ понятно, что эксплуатація дѣлается несравненно болѣе интенсивной, когда богатая страна навязываетъ бѣдной невыгодный для этой послѣдней торговой договоръ. Но империалисты богатыхъ, — т. е. наиболѣе передовыхъ въ промышленномъ отношеніи, — странъ готовы, хотя бы съ оружіемъ въ рукахъ, добиваться подобныхъ договоровъ. Вотъ тутъ-то сознательный пролетаріатъ передовыхъ странъ и долженъ выступить со своимъ протестомъ. Онъ измѣнитъ самому себѣ, если станеть поддерживать империалистовъ своей страны, старающихся наложить иго экономической эксплуатаціи на другія страны. Международная солидарность, необходимая для успѣха рабочаго дѣла, станеть немислимой, если пролетаріи отдѣльныхъ странъ откажутся смотрѣть на другіе народы, какъ на самоцѣль. Вотъ почему Марксъ нашелъ нужнымъ закончить первый же манифестъ Интернаціонала указаніемъ пролетаріату на простые законы нравственности и права^{**}).

^{*)} Не одинъ Кантъ провозглашалъ эту автономію.

^{**} По той же самой причинѣ программа нашей социаль-демократической партіи провозглашаетъ право каждаго народа на самоопредѣленіе. Самоопредѣленіе по гречески называется автономіей.

Всякое насѣкомое жить хочетъ, говоритъ одинъ изъ героевъ Чехова. И если бы насѣкомыя всѣхъ видовъ рѣшили, что имъ надо объединиться въ борьбѣ за свое существованіе, то они непременно начали бы съ признанія права самоопредѣленія, — автономіи, — за каждымъ отдѣльнымъ видомъ насѣкомыхъ. Этому потребовала бы отъ нихъ логика междувидовой солидарности.

Только пролетаріатъ способенъ осуществить тѣ требованія нравственности, которыя признавались въ принципѣ благороднѣйшими идеологами буржуазіи *), но не могли быть осуществлены въ капиталистическомъ обществѣ, основанномъ на эксплуатаціи одного класса другимъ. Таковъ простой и совершенно ясный смыслъ моей ссылки на Канта. Рецензентъ «Текстильщика» усмотрѣлъ изъ нея, что мой взглядъ на задачи международной политики пролетаріата можетъ быть защищаемъ только съ помощью буржуазныхъ авторитетовъ. Когда «сочинитель» обнаруживаетъ подобное гумственное убожество, онъ не стоитъ того, чтобы имъ занимались. Онъ мертвецъ по отношенію къ в просамъ теоріи: имѣетъ очи и не видитъ, имѣетъ уши и не слышитъ. Я и не подумалъ бы заниматься моимъ рецензентомъ, если бы онъ не пробрался въ рабочій органъ. Утвердившись тамъ, онъ, при нѣкоторой юркости, внесетъ много самой вредной путанницы въ умы рабочихъ. Люди этого калибра не поясняютъ, а затемняютъ сознаніе пролетаріата. Совѣтую редакціи «Текстильщика» какъ можно скорѣе разстаться съ нимъ.

Можетъ быть, онъ мнитъ себя очень большимъ радикаломъ. Но какъ бы ни была радикальна его фразеология, его писанія будутъ уравнивать путь для торжества оппортунизма.

Это не описка; я написалъ то, что хотѣлъ написать: оппортунизма.

Войдя въ Брюссель, подъ побѣдоносными знаменами Вильгельма II, нѣкоторые наши германскіе «товарищи» отправились въ Народный Домъ и завели тамъ бесѣду съ бельгійскими рабочими. — Зачѣмъ бельгійскій пролетаріатъ противился германскому нашествію? Это лишило его немаловажныхъ выгодъ, сказалъ одинъ изъ «соціаль-демократическихъ» завоевателей. — «Самозащита была для насъ дѣломъ чести», отвѣчали ему. — «Честь, это буржуазный предразсудокъ», возразилъ завоеватель.

Эти, столь же глупыя, какъ и циничныя, слова произнесены были не марксистомъ, а ревизионистомъ. Ревизионисты не могли вмѣстить теоріи Маркса. Они никогда не понимали, что если нравственные понятія людей обуславливаются экономическимъ строемъ общества, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, будто люди могутъ и должны пренебрегать требованіями нравственности ради матеріальныхъ выгодъ. Охотно распространяясь при случаѣ объ «односторонности» марксизма, «отвергающаго идеалы», ревизионисты на самомъ дѣлѣ всегда готовы были продать революціонный идеалъ за чечевичную похлебку даже самыхъ незначительныхъ соціальныхъ реформъ. Поэтому они горячо отстаиваютъ теперь союзъ германскаго рабочаго класса съ юнкерами и буржуазіей для эксплуатаціи другихъ народовъ: ревизионисты надѣются, что, ограбивъ эти народы, гос-

подствующие классы Германіи кинутъ кость и германскому пролетаріату. Отвергая историческій материализмъ, ревизионисты всегда показываютъ себя убѣжденными сторонниками историческаго цинизма, какъ я имѣлъ удовольствіе лично сказать это одному изъ нихъ, — «товарищу» Кварку, — еще осенью 1914 года.

Русскимъ рабочимъ непременно надо оградить себя отъ развращающаго и разслабляющаго вліянія такого цинизма. Чтобы оградить себя отъ него, они должны, не смущаясь ни будто бы благоразумными совѣтами ревизионистовъ, ни будто бы радикальными фразами анархосиндикалистовъ, раз навсегда сознать, какъ тѣся, какъ неразрывно связана ихъ борьба за свое экономическое освобожденіе съ тѣми требованіями права и нравственности, въ которыхъ Марксъ видѣлъ единственную цѣлесообразную основу международной политики современнаго пролетаріата. Они, — въ своихъ собственныхъ и самыхъ существенныхъ интересахъ, — обязаны помнить, что борьба за внѣшнюю политику, основанную на этихъ требованіяхъ, составляетъ одну изъ частей общей борьбы за освобожденіе рабочаго класса.

Только помня эти золотыя слова Маркса, они станутъ непобѣдимы. Только слѣдуя завѣту основателя научнаго социализма, соберутъ они подъ свое знамя всѣ живые элементы нынѣшняго общества. Только при этомъ условіи всѣ угнетенные нынѣшнимъ общественнымъ порядкомъ станутъ радостно привѣтствовать организованныхъ рабочихъ, какъ освободителей по преимуществу.

Г. Плехановъ.

ВЕРДЕНЪ.

Оно было нужно, необходимо — это наступленіе на Верденъ. Нужно не столько генеральному штабу германской арміи, сколько кайзеру, кронпринцу и приснымъ. Нужно, чтобы въ грохотъ пушекъ заглушить нарождающуюся въ Германіи тревогу — не за судьбы человечества, пусть успокоятся интернационалисты! — а за возможность осуществленія намѣченныхъ империалистско-капиталистическимъ блокомъ завоевательныхъ плановъ. Нужно, чтобы блескомъ вѣрныхъ или дутыхъ официальныхъ сообщеній о грандіозной побѣдѣ подгрѣть патристическое усердіе и германскихъ банкировъ, и нѣмецкихъ пролетаріевъ, и австро-венгерскихъ, болгарскихъ, турецкихъ «союзниковъ», нѣсколько смущенныхъ Эрзерумской исторіей. Нужно, чтобы оживить поблекшую вѣру въ маршъ на Парижъ, а за нимъ и въ десятки другихъ завѣтныхъ цѣлей пангерманизма.

По единогласному мнѣнію военныхъ критиковъ всѣхъ — и союзныхъ, и непріятельскихъ, и нейтральныхъ странъ — никогда еще за время войны (а, слѣдовательно, и вообще никогда въ исторіи) не было такой концентраціи военныхъ силъ — живыхъ и механическихъ — на такомъ сравнительно небольшомъ пространствѣ. Германскій империализмъ не пожалѣлъ свѣчь на игру: и самъ его вѣщностный представитель явился, чтобы участвовать (правда, сзади, изъ-за надежнаго прикрытія) въ грандіозномъ спектаклѣ огня и крови. Возмутитъ или не возмутитъ Верденъ? — стало живымъ, острымъ, центральнымъ вопросомъ европейской жизни.

Дѣло специалистовъ, а, быть можетъ, правильнѣе сказать: дѣло исторіи — отвѣтить на вопросъ о вѣрности или ошибочности высказывавшихся на этотъ счетъ

*) Для «проницательныхъ читателей» прибавлю, что я говорю и говорю объ идеологахъ того періода развитія буржуазіи, когда она, борясь за свое освобожденіе, была пропитана болѣе или менѣе революціоннымъ духомъ и, свергая старый порядокъ оказывала огромнѣйшую услугу всему цивилизованному человечеству.